

домъ! — и безконечныя поля, унизанныя свекловицей, представляли предъ нимъ. Паровой плугъ ворочалъ какъ изступленный. Вся окрестность садилъ корнеплоды. Свекловичныя остатки упитывали чахлаю мужицкую скотину. Гессенская муха летала, околѣвая безъ ѣды, и горько плакалась на Захара Иваныча... Волхонскій не отставалъ въ мечтаніяхъ отъ своего управляющаго; но ему грезилась не свекловица: ему казалось, что онъ, подъ носомъ у Боткина, перекупаетъ драгоцѣнный и чрезвычайно рѣдкій экземпляръ Фортуни.

Лукавинъ замиралъ въ блаженствѣ. Онъ ни о чемъ не думалъ и не мечталъ. Онъ только всѣмъ существомъ своимъ испытывалъ страстное желаніе обладать этой блѣдной красавицей, доверчиво склонившейся къ нему на плечо, и чувствовалъ, что ради исполненія этого желанія онъ въ состояніи пренебречь всѣми дѣлами на свѣтѣ. Кровь въ немъ клокотала буйно и настойчиво.

Графъ же склонился надъ роялемъ и утопалъ въ звукахъ. И все забылъ онъ подъ вліяніемъ дивнаго настроенія, заполовившаго его душу гармоничными и звенящими волнами — и проекты матери, и ея непреклонную волю, и закладныя...

И закутила Волхонка. Не проходило и дня безъ танцевъ, безъ пѣнія, безъ какой-нибудь увеселительной поѣздки, или пикника съ чаемъ и холодными закусками. Въ промежуткѣ всѣмъ обществомъ съѣздили къ бабушкѣ, и представили ей Петра Лукьяныча за какого-то князя Аракчеева. Старушка была ужасно рада и польщена и выложила передъ воображаемымъ потомкомъ знаменитаго графа все свое благоволеніе. Она даже позволила своей любимой болонкѣ (левретокъ она уже разлюбила) посидѣть на его колѣняхъ, а это было чисто сверхъестественнымъ исключеніемъ.

Послѣ этого визита, ѣздили въ ближній лѣсъ за клубникой. Потомъ опять принялись за танцы и музыку, рыбную ловлю и катанье на лодкѣ. Варя, казалось, всѣ силы устремила на то, чтобы чѣмъ-нибудь переполнить свое время. И, дѣйствительно, у ней не было свободной минуты. Она похудѣла, Но это очень шло къ ней. Она избѣгала всякихъ «умственныхъ» разговоровъ и саucerie свирѣпствовала въ Волхонскомъ домѣ. Она не прикасалась къ книгамъ, старалась не думать серьезно и чувствовала себя очень хорошо, когда послѣ катанья и пѣсенъ, послѣ музыки и бурнаго вальса съ Лукавиннымъ или безумной скачки на Домби, сонъ поспѣшно сходилъ къ ней, глубокой и мертвенно-